

ТЕКСТЫ-ТРОПЫ В ИДИОСТИЛЕ В. С. ВЫСОЦКОГО

Исследуются характерные для идиостиля приемы тропообразования и текстообразования на основе тропов. Описываются поэтические тексты-тропы, основывающиеся на моделях, включающих семантический компонент «человек». Выявляются приемы расширения и обогащения базовых тропических ассоциаций с помощью тропов локального характера.

Огромная воздействующая сила стихов и песен Владимира Высоцкого на умы и чувства всех, кто знаком с его творчеством, во многом объясняется мастерством поэта в создании средств тропической образности. В числе наиболее распространенных тропов В. Высоцкого такие, как метафоры, полисеманты, т. е. приемы, основанные на сталкивании разных значений слов и фразеологизмов, окказиональные слова. Особенно показательными для идиостиля В. Высоцкого являются приемы трансформации и контаминации фразеологизмов, которые часто взаимодействуют с другими тропами, образуя тропические комплексы [1].

Показательны для В. Высоцкого и приемы распространения троповости на все содержание текста, что дает основание квалифицировать такие тексты, как тексты-тропы. Поскольку однозначное понимание этого термина, впервые введенного в научный обиход Б. П. Иванюком, еще не сложилось, внесем некоторые пояснения. Главным из признаков троповости текста будем считать функцию тропических элементов как маркеров смысловой цельности и связности текста. Это означает, что признак тропа как средства двойного кодирования реальности будет считаться и признаком всего текста. Т. е. сжатая формулировка смысла всего текста должна быть семантически двузначной. Например, смысл стихотворения В. Высоцкого «Вершина» формулируется таким образом: «вершина – это не только самая высокая часть скалы, на которую восходят альпинисты, но и символ жизненных устремлений всех сильных и мужественных людей».

Для текстов-тропов характерна и иерархическая организация тропов: т. е. наличие среди них базовых, доминирующих и локальных. Элементы троповости в подобных текстах имеют тенденцию к повторяемости и подчиняются факторам композиционно-стилевого характера. Разумеется, все названные признаки способны выражаться не в одинаковой степени, что позволяет говорить о градациях троповости текстов.

Приемы использования В. Высоцким средств троповости как текстообразующих богаты и разнообразны. В настоящей статье мы остановимся только на наиболее показательных текстах, в основу которых положены тропические модели, включающие в качестве левого и правого элементов обозначение человеческого существа. Это тексты, основывающиеся на уподоблении предметов и представителей животного мира людям

(тексты-одичествования) и тексты, в которых – напротив, обозначение человека входит в зону отталкивания, а в зону прибытия – нечто иное, например, предмет.

Значительная группа текстов В. Высоцкого основывается на олицетворении артефактов, главным образом, средств транспорта (автомобили, самолеты, корабли). Экстралингвистической основой таких текстов часто становится человеческая внешность, что обеспечивает использование в роли локальных метафор соматизмов, слов органистической лексики, названий одежды и т. п. При этом нередко моделируются различные человеческие ситуации, например, расставание с любимым делом, участие в бою, путешествия и др. Так, в тексте стихотворения «Я теперь в дураках / не уйми мне с земли» кораблю приписываются человеческие размышления и переживания ветерана, вынужденного расстаться с любимым делом. Текст отличается богатой метафорической образностью, передающей тяжелое душевное состояние лирического героя, в котором угадывается сам автор стихотворения (*И теперь в моих песнях сплошные нули, / В них все больше прорехи и раны*). Лирический герой тоскует о капитанах, которых он больше не встретит в порту и которые также как и он навсегда ушли на сушу. Трагизм данного события подчеркнут в тропическом фрагменте, опирающемся на фразеологизм: *Из своих кителей капитанских ушли, / Как из кожи мои капитаны*. Персонифицированный корабль в тексте наделяется функцией собеседника капитанов и их близкого друга: *Капитаны мне скажут: «Давай, не реви!» / Ну, а я не реву – волком вою. / Вы ж не просто с собою мои песни несли – / Вы взяли мою душу с собою*. В конце текста лирический герой принимает решение вернуться в море вопреки обстоятельствам: *Нет, я снова выйду в море, или встречу их в порту. / К черту вечный санаторий, / И оскомину во рту*.

В основе содержания стихотворения «Я Як-истребитель» – монолог самолета истребителя, обиженного на своего пилота за то, что во время боя тот заставляет его испытывать сверхпредельные нагрузки. Назначение приема олицетворения здесь – своеобразное отражение экстремальности ситуации: обычно «умная», послушная человеку машина не выдерживает сверхнапряжения и не желает повиноваться, хотя в конце разделяет его участь: гибнет вслед за пилотом, который более не способен им управлять.

В данном тексте усматривается реализация одного из основополагающих направлений в создании тропов, а именно – перевертываемости, что выражается в замене роли самолета и летчика на противоположное. В качестве активного, думающего и говорящего персонажа здесь выступает самолет, а в роли пассивного персонажа – пилот.

В тексте широко представлена метафоричность локального уровня: *Ну что же он не слышит, как бьется пульс, / Бензин – моя кровь на нуле.* Используется также прием контаминирования фразеологизмов, что создает игру разных значений (*Меня в заблуждение он ввел и в тике / Прямо из мертвой петли*), прием метонимизации (*Последние силы жгу*) вместо *горючее*.

Среди стихотворений В. Высоцкого имеется небольшая серия таких, в которых олицетворение связано с моделированием человеческих отношений взаимной привязанности, дружбы, любви. Подобные тексты можно встретить у В. Маяковского («*Военно-морская любовь*»), у А. Вознесенского («*Лежат велосипеды...*»). В роли носителей мужского и женского начала в текстах В. Высоцкого часто выступают корабли. Так, например, текст «*Баллада о брошенном корабле*», где моделируется типичная человеческая ситуация разлуки двух влюбленных. Персонажами стихотворения являются два лайнера, различающиеся между собой по внешнему виду и расцветке. Она предстает как влюбленная и ищущая встречи, а он выступает как недогадливый. В тексте широко используются метафоры, передающие внешность. Она – *белоснежная, словно лебедь, белая*, а он «одет в *черный смокинг*». Она названа мадонной, а он – лордом.

Для характеристики персонажей также используются локальные метафоры, основывающиеся на соматической и органистической лексике (*Слезы льет горючие, / Ценное горючее и др.*). Элементы зоны отправления метафор своеобразно перекрещиваются с элементами зоны прибытия, т. е. относящимися к лицам: *Кораблям и поздняя не к лицу коррозия, / Не к лицу морщины вдоль белоснежных крыл / И потеки синие возле ватерлинии / И когда на смокинге левый борт подгнил.*

Концовка текста также дается в духе, характерных для судеб влюбленных, сценариев: он несчастный и одинокий (... *ржавый и взбешенный и командой брошенный...*), а она находит его и спасает: *А ей невероятно повезло: / Под танго музыкального салона пришла к нему под черное крыло / И стала рядом белая мадонна.*

Среди текстов-тропов В. Высоцкого отдельную группу составляют такие, в основу которых положены метафорические модели «человеческое существо – представитель фауны (зверь, птица и т. п.)» и «человеческое существо – предмет, копирующий внешность человека (памятник, монумент, манекен и т. п.)». Такого рода тексты находим и у других поэтов, в частности, у В. Маяковского, В. Цыбина, А. Вознесенского, Л. Татьяничевой, Р. Рождественского.

Элементом зоны отправления в подобных текстах-метафорах часто оказывается обозначение лирического Я-субъекта, что характерно и для текстов В. Высоцкого. В двух его стихотворениях «*Когда я отпою и отыграю...*» и «*Монумент*» представлен Я-субъект, близкий к реальному автору, т. е. поэт не понятый представителями официальных кругов, не желающих замечать активной жизнеутверждающей направленности его творчества и пытающихся сгладить в нем «острые углы».

В основу метафоричности текста «*Когда я отпою*

и отыграю...» положена метафорическая модель «человек – ценной пес», т. е. существо, свобода которого ограничена. Центральную метафорическую ассоциацию текста подкрепляют и развертывают локальные метафоры, в зону отправления которых включены высокие оценочные слова «почет» и «слава», а в зону прибытия слова «цепь», «звенья» и в конце текста «ошейник»: *Посажен на литую цепь почета, / и звенья славы мне не по зубам.* Смысл такого уподобления – в том, что почет и слава, несмотря на их «блеск», ограничивают свободу творчества.

В заключительной части текста метафорически выражена идея отказа от ограничений и свободолюбия: *Я перетру серебряный ошейник, / и золотую цепь перегрызу, / Махну через забор, помню репейник / порву бока и выбегу в грозу.*

Перейдем теперь к рассмотрению сходного по проблематике текста-тропа «*Монумент*», который представляет собой рассуждения лирического героя-поэта о том, как будет увековечена память о нем после смерти. Текст строится как монолог поэта как бы умершего и получившего вторую жизнь в облике памятника, монумента. Образ монумента в данном тексте служит символом искаженного представления о бунтарском, воинствующем характере автора данного стихотворения, который предстает униженным и несвободным: *Я при жизни был рослым и стройным, / Не боялся ни слова, ни пули, и в обычные рамки не лез. / Но с тех пор, как считаюсь покойным, / Охромил меня и согнули. / К пьедесталу прибит ахиллес.*

В рассматриваемом тексте можно провести параллели с многими другими стихами на темы поэта и поэзии, в частности, с основным на приеме метаморфозы текстом пушкинского стихотворения «*Пророк*». Однако если у Пушкина эволюция поэта осуществляется от приземленного состояния к высокой духовности, то у В. Высоцкого – напротив: присущее поэту высокое духовное начало искажается и предстает как «приземленное».

В стихотворении «*Монумент*» базовая тропеическая ассоциация обогащается метафорами локального характера, имеющими в зоне отталкивания слова-соматизмы (ахиллесова пята, ребра, хребет, нога и др.), а в зоне прибытия – названия частей и иных атрибутов монумента (постамент, каркас, гранит, камни, покрывало и др.). Благодаря этому идея подавления и лишения подвижности получает конкретное образное воплощение: *Не стряхнуть мне гранитного мяса / и не вытащить из постамента ахиллесову эту пята. / И железные ребра каркаса / Плотно схвачены слоем цемента / Только судороги по хребту.*

Этапы «усмирения» характера поэта связаны с искажением его лица на посмертной маске (... только с гипса вчистую списали азиатские скулы мои...) и с внеением «поправок» в его голос (Мой отчаянием сорванный голос / Современные средства науки превратили в приятный фальцет).

В заключительной части текста использован прием метаморфозы как бы в обратном направлении: лирический герой возвращается к настоящей жизни, из которой был насильно вырван, становится настоящей, самой собой. Это описывается как выход из «каменного гроба»: *И шарахнулись толпы в прогулке, / когда вырвал я ногу со стоном, / и посыпались камни с меня. / Накренился я, гол, безобразен, но и падая, вылез из кожи, оттолкнулся железной клюкой. / Из разобранных рупоров все же прохрипел я: «Похоже, живой!»*

Проведенное исследование показало, что материалом для создания разного рода тропеических конструкций в большинстве случаев служат соматизмы, органистическая лексика, наименования средств наземного и водного транспорта и различные по семантике, структуре и эмоциональной окраске фразеологизмы. Приемы тропообразования у В. Высоцкого нередко выходят на уровень целых текстов. Из текстов-тропов наиболее распространены такие, которые строятся по базовым моделям, включающим в качестве правого и

левого элемента обозначения человеческих существ.

В основной группе текстов В. Высоцкого реализуются тропы аллегория, олицетворение, метаморфоза. Такие тексты, как правило, имеют два яруса троповости: базовый троп и некоторое множество локальных тропов, в котором часто объединяются локальные метафоры, полисеманты, созданные на основе слов и фразеологизмов. Такие тропы образуют ряды, подчиняющиеся логике смыслового развертывания текста и его построения.

Литература

1. Ревуцкий, О. И. О некоторых приемах структурного и семантического преобразования фразеологизмов в поэзии Владимира Высоцкого / О. И. Ревуцкий // Средства русской речи в функциональном аспекте. – Тула: Изд-во Тульского гос. ун-та, 1990. – С. 76-92.